

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

И.А. Бунин и А.Н. Цакни

«Вещи и дела, аще не написание бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написание же яко одушевление...»

И. Бунин. «Жизнь Арсеньева»

В 2018 году исполнилось 65 лет со дня смерти Ивана Бунина (1870-1953), первого русского писателя, 86 лет назад (1933) ставшего лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Бунин родился в родовитой дворянской семье, был и считал себя младшим коллегой Антона Чехова, и дебютировал в русской литературе в 1887 году, в год вручения Чехову Пушкинской премии, которой Бунин был также удостоен в 1903 г. Бунин был не только самым благополучным в плане признания русским писателем-эмигрантом, но и самым издаваемым в СССР писателем русского зарубежья, начиная с 1955 года. Но в прошлом году отмечена еще одна дата, о которой вспомнит меньшее количество любителей литературы, особенно если они – не одесситы: 55 лет со дня смерти нашей землячки, красавицы Анны Николаевны Цакни (1879-1963), второй супруги Ивана Бунина и единственной, с которой он был обвенчан: с первой супругой Варварой Пащенко он жил вне брака, с третьей, Верой Муромцевой, – в гражданском браке.* Так что под венец его повела только одесская муза.

* По некоторым данным, они все же обвенчались в Париже в 1922 г.

Есть еще немало число изрядно образованных людей, которые спросят: а при чем здесь муза писателя Бунина? Цикл ведь посвящен музам поэтов... Проверено на практике, вопросы такие нередки. Между тем несмотря на то, что известность и мировое признание И.А. Бунин приобрел, прежде всего, как прозаик, поэзия в его творчестве всегда занимала значительное место. Он с гимназических лет писал стихи, а в пятнадцатилетнем возрасте сочинил роман «Увлечение», который не приняла ни одна редакция. Зимой 1887 года, узнав, что умер один из его литературных кумиров поэт Семен Надсон, Иван Алексеевич отправил в журнал

И.А. Бунин в молодости.

«Родина» несколько стихотворений. Одно из них, озаглавленное «Над могилой С.Я. Надсона», было опубликовано в февральском номере. Другое – «Деревенский нищий» – появилось в майском выпуске. Значительно позже, в 1896 году, появился бунинский перевод «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло, весьма одобрительно встреченный литературным сообществом. До конца своей жизни он не переставал писать стихи, и тонкое чувствование поэзии делало прозу его удивительно ритмичной и музыкальной. Более того, сам себя он считал, прежде всего, поэтом, но не потому что стихи удавались ему лучше прозы, – хотя Набоков, например, ставил их выше рассказов, слишком, по его выражению, «парчовых». Нет, не в стихах дело, а в том, что поэзия, по слову Мандельштама, «есть скрещенный процесс». Постоянный конфликт двух тем, чувства и мысли, содержания и формы – и у Бунина эта сложность и острота переживания повсюду: «чем отчетливее гибель

мира, тем ярче закат над бездной, тем ослепительнее предсмертная красота». И в «Окаянных днях» все время «несет теплым снегом», «синие клоки луж», и такие, например, уже наши одесские контрасты: «Выходил, дождя нет, тепло, но без солнца, мягкая и пышная зелень деревьев, радостная, праздничная».

Особое место в бунинской поэзии занимает его лирика, шедевры которой заслуженно вошли в поэтическую культуру начала прошлого века. Глубокое чувствование и чудесное умение Бунина простыми словами передать все многообразие красок, звуков, запахов окружающего мира вызывает искреннее восхищение.

Просветы в небо, что оконца,
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Бунин, кстати, заслуженно считается автором лучших переводов творчества таких разных поэтов, как Т.Г. Шевченко и Х.-Н. Бялик, замечательных стихотворений на библейскую тематику. Но если быть предельно честным, автор этих строк, будучи благодарным читателем бунинской прозы, достаточно долго тоже мало что знал о его поэтическом творчестве. Так уж складывалось мое литературоведение...

Люди, знавшие молодого Бунина, характеризовали его как человека, в котором было много силы жизни, жажды жизни. Очевидно, именно эти качества помогли начинающему поэту, автору единственного в ту пору стихотворного сборника (выпущенного в Орле в 1891 году тиражом 1250 экземпляров и бесплатно рассылавшегося подписчикам «Орловского вестника»), довольно быстро войти в литературные круги России конца XIX века.

Вполне уверенные на взгляд варианты разных биографов, повествующих о том, как произошло знакомство героев этого нашего очерка (да только ли о знакомстве!) во многом не совпадают... Один из них утверждает: Бунин, жил тогда на даче у А. Федорова в Люстдорфе. В один из дней засушливого лета туда приехала известная в Одессе чета Цакни... Отец Анны Николай Петрович

Цакни (1651-1904), этнический грек, родившийся в Балаклаве, бывший народоволец, примыкавший к движениям петровцев и чайковцев, дважды подвергавшийся аресту, в свое время эмигрировавший в Европу, в описываемый период был заведующим редакцией газеты «Одесские новости», а в 1900 г. утвержден редактором либеральной одесской газеты (по другим версиям – владелец этого солидного литературного альманаха. – Л. А.) «Южное обозрение».

В начале 1904 г. он был избран членом Одесской городской управы. По другим сведениям, именно он, Цакни, и «выписал» в Одессу И. Бунина, этого талантливого поэта и писателя, чьи стихи уже обрели известность, в 1897 году, в связи с публикацией в альманахе. Цакни был близко знаком с И.С. Тургеневым. Он характеризовался как необыкновенно порядочный, принципиальный, непьющий человек. Мать Анны Зинаида (по другим источникам – Софья) Киселевна (Константиновна) Львова – «парижская еврейка», по свидетельству А. Розенбойма, врач, рано умерла от туберкулеза. Элеонора Павловна Ираклиди – вторая жена Цакни, гречанка, принесящая, по сути, нищему мужу немалое состояние, женщина интересная, в прошлом мечтавшая об оперной сцене, бравшая уроки у самой Полины Виардо (которая, как говорили, не начинала урока, если на рояле не лежал золотой луидор), приближалась к тому опасному возрасту, который называется бальзаковским, и Бунин это сразу почувствовал на себе: взгляд ее был красноречивее всяких слов, и она увлеченно рассказывала ему о Париже, о Каннах и Ницце, которые, конечно же, не шли ни в какое сравне-

Н.П. Цакни

ние с захоластным Люстдорфом: Эля, так она предложила Бунину называть себя, была душой дачной компании, могла очаровывать и увлекать. Именно она пригласила всех к себе на дачу, что была на 7-й станции Фонтана, а Бунину шепнула, что будет поджидать его с нетерпением. Но именно тогда и там, на даче Цакни на 7-й станции, поэт впервые увидел очаровательную черноволосяую и черноглазую девушку, которая показалась ему видением.

В этот свадебный год Бунин написал такие строки:

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке – все твоё бытие,
Я всю тебя чувствую – душу и тело...

Продолжим наше изложение информацией, почерпнутой из весьма достоверного источника – эссе Галины Педаховской «Тень времени» (Дюссельдорф, 2011). Автор, тогда юная одесситка 1936 года рождения, на протяжении ряда лет встречалась с уже очень пожилой Анной Николаевной, которая иногда рассказывала ей о Бунине, что делала обычно весьма неохотно, объясняя это старческим склерозом. Анна Николаевна, в частности, подтвердила вышеизложенную версию: Бунин пригласил чопорный человек, гордящийся своим происхождением, своим родом, который дал русской литературе таких поэтов, как Анна Бунина и Василий Жуковский. Он попадает в яркий южный город, где знакомится с людьми, в жилах которых течет кровь русских и украинцев, евреев, генуэзцев, французов, греков, турок, молдаван – та удивительная смесь, которая дала миру столько талантливых, красивых и смелых... Прелестная, непосредственная, яркая и живая Анечка Цакни, уроженка французской столицы, душа которой была полна нетерпеливыми желаниями: она хотела писать стихи и картины, петь, учить детей, но, главное, она хотела быть счастливой.

Вера Николаевна Муромцева-Бунина в свое время писала:

«Я стала спрашивать его о его первой жене Анне Николаевне Цакни. Он сказал, что она была еще совсем девочка, весной окончившая гимназию, а осенью вышедшая за него замуж. Он говорил, что не знает, как это вышло, что он женился. Он был знаком

Анна Николаевна Цакни

несколько дней и неожиданно сделал предложение, которое и было принято. Ему было 27 лет. «Когда я теперь вспоминаю это время – это было в сентябре в Одессе, – мне оно представляется очень приятным. И вот нельзя, собственно, никому сказать этого – из чего состояло это приятное? Прежде всего, из того, что стояла прекрасная сухая погода, и мы с Аней, и с ее братом Бобой, и с очень милым песиком, которого она нашла в тот день, когда я сделал ей предложение, ездили на Ланжерон. Надо

сказать, что в Ане была в то время смесь девочки и девушки, и «дамское» выражалось в ней тем, что она носила дамскую шляпу с вуалью в мушках, как тогда было модно. И вот через эту вуаль ее глаза – а они у нее были великолепные, большие и черные – были особенно прелестны. Большое очарование ко всему этому прибавлял мой роман с портом в это время – я был буквально влюблен в порт, в каждую округлую корму...» Он рассказал, как начались вскоре у них недоразумения с женой. Ее очень настраивала против него мачеха – Элеонора Павловна, «которая сначала была просто до неприличия влюблена в меня, а потом так же неприлично возненавидела». Привело все это к тому, что после двукратного временного отъезда он совсем уехал от жены, которая в это время была беременна, месяце на пятом. У мачехи Анны и ее отца были имения, виноградники. «Подумать только, что я мог бы поехать под Балаклаву в имение, жить на виноградниках, управлять всем этим, стать богатым человеком. Но мне это и в голову не приходило. Связывать себя! Вот как я это понимал!» Я спросила, пишет В. Н., как отдали за него, ничего в то время не имевшего, богатую наследницу. – Да я и сам не знаю! – сказал он. – Отец ее был типичный интеллигент. Мы вместе ехали

Сретенская церковь в старой Одессе

из Одессы к ним на дачу на паровичке. Стояли на площадке и курили. Я вдруг сказал: «Прошу у вас руки вашей дочери». Он сдвинул пальцами шляпу на затылок, посмотрел на меня и сказал: «Да я-то тут, дорогой, при чем? Это, мне кажется, дело Анны Николаевны. А что касается меня – я ничего против не имею». Когда они затем встретились – она уже, вероятно, знала об этом предложении. Они возвращались откуда-то из города – она и мачеха. Она в темноте протянула руку, нащупала его руку

и вложила в нее туберозу. Это было сделано очень мило и невинно. Венчались они с Аней 120 лет назад – 23 сентября 1898 года в церкви Сретения Господня, которая тогда была на Новом базаре (сейчас на ее месте располагаются корпуса Нового рынка).

Все для венчания оплатила родня невесты, а поэт даже в церковь пришел пешком. Жила молодая чета с семьей невесты в шумном доме – на втором этаже двухэтажного флигеля во дворе дома № 44 на улице Херсонской. В письме к старшему брату Юлию, рассказывая о предстоящем браке, Бунин сообщал, что его избранница – «красавица, но девушка изумительно чистая и простая». Несмотря на вхождение в состоятельную семью, материальное положение писателя оставалось тяжелым – так, летом 1899 года он обращался к старшему брату с просьбой выслать «немедленно хоть десять рублей», отмечая при этом: «просить у Цакни не стану, хоть умру».

Потом была зима, которую молодые провели в Париже. «Меня называли самой красивой женщиной сезона, избирали королевой балов, – не без некоторой доли тщеславия рассказывала Педаховской Анна Николаевна. – Называли русской красавицей, хотя я ну никак не соответствовала этому типу. Мне хотелось выезжать

Дом на Херсонской (Пастера), 44, сегодня

в свет, танцевать, мы поздно возвращались. Это, конечно, мешало Ивану Алексеевичу работать». Позже они жили в Петербурге и Москве. Были знакомы с Короленко, Чеховым. У них часто бывал Максим Горький, который, как и большинство видных российских литераторов, восторженно относился к таланту Бунина, всегда отдавая ему пальму первенства в творчестве.

Мы ни в коем случае не задаемся целью кого-либо судить... Более того – не пытаемся, хотя хотелось бы вынести суждение об истинном характере и глубине чувств, связывавших наших героев. Сам Бунин иногда пытался объяснить разлуку тем, что никогда по-настоящему не любил Анну (тем самым косвенно, не желая этого, подтверждал, по мнению биографов, слухи о том, что он женился на ней из расчета). Но как не вспомнить при этом о «греческом периоде» жизни Ивана Бунина, о его жарком, по его собственным словам, «греческом лете», о «солнечном ударе», испытанном им при встрече с неземной красотой гречанки Анны Цакни. Суть, очевидно, была в том, что он так и не сумел завоевать сердце красавицы, которая ни в коем случае не была глуха к искусствам: нельзя было жить в Одессе и оставаться равнодушным к прекрасному. Как ни странно, но и она, как и первая, невенчанная жена Бунина Варвара Пашенко, осталась безучастной к его рифмам... Сына Колю Бунин видел исключительно редко, и писателя не было рядом, когда Коля умер в пятилетнем возрасте от менингита (по другим версиям – от порока сердца или скарлатины).

Кстати, одесский краевед В. Ковач, ссылаясь на публикации воспоминаний В.Н. Муромцевой-Буниной, писала, что И. А. всю жизнь с грустью, рыдая, рассматривал фотографии Коли. Педаховская продолжает, со слов Анны Николаевны: «Всю жизнь, – сказала она со смехом, – я хочу сама быть интересной, бороться с тенью или жить в тени великого – так скучно. Притом столь-

ко лет прошло, а любопытство людское не умирает. Каким был Бунин? О, разным, и совсем не таким, каким вы его себе представляете... Понимаете ли, я была для него слишком красивой, слишком живой, мне нужно было уделять внимание, а это отрывало его от работы, копилась досада, недовольство друг другом. Ему нужна была другая жена, готовая целиком посвятить себя ему, его творчеству. В конце концов, именно такую он и встретил. А я была очень молода и хотела жить...»

Коля Бунин

Исследуя историю создания и публикации рассказа «Поздней ночью», повествующего о ссоре с женой и трагедии отвергнутой любви, и вспоминая, что и детство Анны Николаевны прошло в Париже, Педаховская пишет: «Не тень ли этой девочки в высоких ботиночках и шляпке с лентами, стоящей у белого ажурного стула, искала я на аллеях Люксембургского сада, усеянных сегодня банками из-под кока-колы и пакетами от чипсов, на аллеях, безвозвратно утративших свое очарование?». Критика усмотрела в этом рассказе «беллетризацию семейной жизни автора». Так, Т.В. Марченко, учитывая, что в рассказе Бунин (без конкретики) изображает Париж, в котором он тогда еще не бывал, делает вывод, что этот текст связан с Анной Цакни, чьи ранние годы прошли во Франции... Сам Бунин отвергал этот подход, настаивая на условности изображаемого эпизода.

Анна Николаевна рассказывала, что овдовевший отец женился вторично, когда ей было лет семь-восемь. Именно она водила девочку в знаменитое здание одесского оперного театра, где кроме постоянной труппы часто выступали итальянские певцы, приезжали на гастролы Леонид Собинов и Федор Шаляпин. Анна,

учившаяся тогда в гимназии, была очень привязана к своей мачехе, разделяла ее увлечение музыкой. В их доме царила атмосфера веселой богемы. У них бывали писатели, журналисты, художники Петр Нилус, Евгений Буковецкий, Куровский – те, кто позднее принимал участие в создании Южнорусского товарищества художников. «Знали ли вы Блока, Белого, Анна Николаевна?» – спрашивала Педаховская. «Нет, нет, – говорит она. – Они искали знакомства с Иваном Алексеевичем позже, после меня». В этом скоро наступившем «после меня» она обвиняла его в черствости, холодности. Он ее – в легкомыслии, неспособности разделить его идеалы и интересы, неумении наладить жизнь. Бунин, по ее словам, тяжело переживал крах любви, крах семьи. Для Анны Николаевны смерть сына была просто катастрофой. В одну из встреч с Педаховской она открыла ящик письменного стола и достала книгу карманного формата. «Жизнь Арсеньева» – было написано на мягкой обложке, и подзаголовок «Юность». «Здесь все, и о нас тоже, так, как видел он. Нет, я не дам вам. Это чтение еще не для вас, рано. Прочтете когда-нибудь, со временем, когда меня не будет. Я благодарна ему за эту книгу; поняла, что не могло быть иначе, может быть, наконец-то поняла и его. И простила, – она помолчала, – почти простила». «Я подержала в руках, не раскрывая, книгу. «Париж, 1934 год» – значилось на обложке. Я прочла «Жизнь Арсеньева» в 1966 году, – пишет Педаховская, – когда Анны Николаевны уже не было в живых. Автобиографический роман, где жизнь вымышленного литературного героя неотделима от жизни автора. Как часто он возвращается в этом романе к мысли о том, что крах любви в браке с его житейскими дрязгами, тяготами неизбежен, и что смерть как завершение любви предпочтительнее неизбежной пошлости брака...» (кстати, В.Н. Бунина писала, что внешность героини романа Лики более всего похожа на внешность Ани Цакни, и много сцен романа взято из времени их брака. – Л. А.).

Анализируя это знаковое произведение Бунина, автор воспоминаний небезосновательно, на наш взгляд, стала воспринимать все, что написано было им после разрыва с Анной Николаевной, только под определенным углом зрения – мне казалось, что он вел всю жизнь диалог с ней, и только с ней: «Недавно я видел

ее во сне – единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда». Эти слова выплеснулись из сердца шестидесятичетырехлетнего Бунина, когда мелочь обид и непонимания уже давно перегорела, и остался лишь след чистой страсти, посетившей его однажды в молодости...

Решающими в плане достоверности и возможности понять происходящее мне как автору этого очерка хотелось бы считать свидетельства самого Бунина, ставшие доступными благодаря уникальному труду Милицы Грин, профессора Эдинбургского университета, подготовившей и издавшей трехтомник «Устами Буниных», содержащий дневники Ивана Алексеевича, а также Веры Николаевны, конспекты и другие архивные материалы, попавшие к ней в 1971 г. Очень многое имеет отношение, в частности, к теме этого очерка, и поэтому должно быть приведено (обозначены даты (годы) записей и их автор).

1898. Бунин. Дневник. В конце июня уехал в Люстдорф к Федорову. Куприн, Карташевы, потом Цакни, жившие на даче на 7-ой станции. Внезапно сделал вечером предложение. Вид из окон их дачи (со 2-го этажа). Аня играла «В убежище сюда...» (sic! – Л. А.). Ночуя у них, спал на балконе (это уже, кажется, в начале сентября). 23 сентября – свадьба. Жили на Херсонск(ой) улице, во дворе. Вуаль, ее глаза за ней (черной). Пароходы в порту. Ланжерон. Боба, собачка. Обеды, кефаль, белое вино. Мои чтения в Артистич(еском) клубе, опера (итальянская). «Пушкин», Балаклава. Не ценил ничего! Ялта, гостиница возле мола. Ходили в Гурзуф. На скале в Гурзуфе вечером. Возвращение, качка. В декабре (или ноябре?) в Москву с Аней. Первое представление «Чайки» (17 дек.), мы были на нем. Потом Птб., номера на Невском (на углу Владимирской). Бальмонт во всей своей молодой наглости. Первое изд. «Гайаваты». Лохвицкая? «Без роду-племени» – где и когда писал? Кажется, в Одессе, после женитьбы. В Нивском (журнал «Нива»). – Л. А.) издании этот рассказ помечен 97-м годом.

1899 Бунин (Конспект). Весной ездил в Ялту (?). Чехов, Горький, Муся Давыдова и Лопатина. Летом – в «Затишье», в имении Цакни. Разрыв. Уехал в Огневку. Вернулся осенью (кажется, через Николаев, в солнечное раннее утро). Род примирения. Солнечный день, мы с ней шли куда-то, она в сером платье. Ее бедро... (Но, уже 14.12.1899 Бунин пишет брату Юлию. – Л. А.): дни Ани проходят в столовой в компании, вечера так: 6-го была «Жизнь за царя»; 7-го вечер пришла Зоя и некий Яковлев, сидела в столовой, 8-го – репетиция, 9-го – мы были все в Клубе, 10-го – репетиция, 11-го – на балу с 10 вечера до 7 ч. утра, 12-го назначена была «Жизнь за царя» – заболела певица, отложили, но вечером Аня ушла к Зое, вчера легла в 7 часов вечера спать, сегодня уехала с Э. П. на какое-то заседание, завтра – вечером репетиция, послезавтра – тоже, в пятницу у нас журфикс, в субботу – репетиция, в воскресенье «Жизнь за царя» – убогое жалкое представление. Затем... будут репетиции, кроме того драматические спектакли, затем – думают ставить «Русалку». Буквально с самого моего приезда Аня не посидела со мной и получасу – входит в нашу комнату только переодеться... Ссоримся чрезвычайно часто... Для чего я живу тут? Что же я за презренный идиот – нахлебник. Но главное – она беременна. Это факт, ибо я знаю, что делал. Юлий, пожалей меня. Я едва хожу. Ничего не пишу, нельзя от гама и от настроения. Задавил себя, но не хватает сил – она груба на самые мои горячие нежности. Я расшибу ее когда-нибудь. А между тем иной раз сильно люблю...

Бунин. Из письма Ю.А. Бунину. 14 (26) декабря 1899 г. До такой степени не понимать... моего состояния, и не относиться ко мне помягче, до такой степени внутренне не уважать моей натуры, не ставить меня ни в грош, как это делает Анна Николаевна, – это одно непоправимо, а ведь мне жить с ней век. Сказать, что она круглая дура, нельзя, но ее натура детски-глупа и самоуверенна – это плод моих долгих и самых беспристрастных наблюдений. Она... детски-эгоистична и не чувствует чужого сердца... Мне самому трогательно вспомнить, сколько раз и как чертовски хорошо я раскрывал ей душу, полную самой хорошей нежности, – ничего не чувствует – это осиновый кол какой-то... Ни одного моего

слова, ни одного моего мнения ни о чем – она не ставит даже в *трынку* (мелкая монета – копейка серебром, позже три копейки, трешник. – Л. А.). Она... неразвита как щенок, повторяю тебе. И нет, поэтому никаких надежд, что я могу развить ее бедную голову хоть сколько-нибудь, никаких надежд на другие интересы. Но главное – она беременна, уже месяц.

Бунин. Из письма Ю.А. Бунину. 10 августа 1899 г. Я дошел до того состояния, когда убивают себя, – и истерически разрыдался вчера, потому что я почувствовал – я один, я нищий, я убит, и мне нет помощи. И тогда она призналась, что не любит меня, со страшными муками. Она и теперь так убита этим, что еле жива и только твердит: я не виновата. Нет меры тоске моей – одной тоске и ничему более – ни грусти, ни самоупоению отчаянием.

Бунин. Из следующего письма Ю.А. Бунину. Если бы не слабая надежда на что-то, рука бы не дрогнула убить себя. И знаю почти наверно, что этим не здесь, так в Москве кончится. Описать свои страдания отказываюсь, да и ни к чему. Но я погиб – это факт свершившийся... Давеча я лежал часа три в степи и рыдал и кричал, ибо большей муки, большего отчаяния, оскорбления и внезапно потерянной любви, надежды, всего, может быть, не переживал ни один человек... Как я люблю ее, тебе не представить... Дороже у меня нет никого.

1900. *Бунин (Конспект).* Зимой репетиции у Цакни «Жизни за царя». В январе ее беременность. В начале марта полный разрыв, уехал в Москву. В октябре я в Одессе. Отъезд с Куровским за границу: Лупов – Торн – Берлин – Париж – Женевское озеро – Вена – Петербург.

Из Одессы 10 октября 1900 года Бунин пишет брату. Милый и дорогой Юлинька! Еще в Одессе, задержал Куровский. Уезжаем завтра, причем маршрут изменен: едем на Берлин, прямо в Париж, откуда через Вену. В субботу зашел в редакцию «Южного обозрения», хотел поговорить с Цакни. Не застал. Тогда послал посыльного к Анне, написал следующее: «Сегодня в 5 ч. зайду, чтобы видеть ребенка». Я спросил: «Кажется, были тяжелые роды?» – «Да». Внесли ребенка. Дай ему Бог здоровья, очень, очень тронул он меня: милый, хорошенький, спокойный, только голову держит что-то на бок».

И.А. Бунин с третьей женой В.Н. Муромцевой

Бунин. Значительно позже, в Париже (дата отсутствует). Из дневника. Воскресенье. Видел во сне Аню с таинственностью готовящейся близости. Все вспоминаю, как бывал у нее в Одессе, – и такая жалость, что... А теперь навеки непоправимо. И она уже старая женщина, и я уже не тот...

Как многократно упоминалось в периодике и СМИ, Бунин побывал в Одессе около 30 раз, в последний – в 1918-19 годах, перед эмиграцией, с третьей женой В.Н. Муромцевой-Буниной (1881-1961), когда они прожили здесь полтора года (главным образом в квартире художника Евгения Буковецкого на Княжеской, 27). Начало их гражданского брака датируется апрелем 1907 года.

Наиболее близко Иван Алексеевич общался в этот период с Е.О. Буковецким и П.А. Нилусом, мастерская которого находилась там же. А вот что Вера Николаевна пишет об одесском периоде в своем дневнике:

1919. В.Н. Муромцева Дневник. 5/18 апреля. Вчера в сумерках Ян (так она называла мужа. – Л. А.) зашел в церковь на базаре, где он венчался с А.Н. Цакни. Возвратясь оттуда, он сказал: «Только что из церкви, где не был более двадцати лет! Зачем-то залетел в нее, женившись на гречанке, и подумал: – Как мы легкомысленно поступаем в жизни, которая так коротка». Вечером Волошин читал нам своего Аввакума. Справился он с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна.

Там же. 28 апр./11 мая. Познакомилась с Анной Николаевной Буниной, бывшей женой Яна, с которой уже в темноте возвращались домой. На улицах товарищи со своими дамами довольно весело прогуливаются по Дерibasовской. Я сообщила А. Н. о смерти Бибиковой. Оказывается, А. Н. очень высоко ставит Варвару Владимировну – «такой живой, умный, добрый человек»... Она очень жалела ее. В Москве она

часто бывала у них. Но знала ли она, кто это? А. Н. произвела на меня приятное впечатление.

И далее: Насколько я знаю, Иван Алексеевич два года после разрыва надеялся на примирение. Перестал же он этому верить, махнул рукой только в 1902 году.

В.Н. Муромцева-Бунина. Из письма А.К. Бабореко от 5 января 1959 г. Прочла все письма периода Цакни сразу. Расстроилась: представляла иначе – считала более виноватым Ивана Алексеевича. А судя по письмам, не только жизнь была не для творческой работы, а у самой Анны Николаевны не было настоящего чувства, и ей хотелось разрыва... Это понятно, конечно, они были и по натуре, и по среде, и по душе очень разные люди. И как с годами Иван Алексеевич, я не скажу, простил, а просто забыл все, что она причинила ему. ...Впоследствии, уже живя во Франции, Иван Алексеевич говорил, что «особенной любви» к Анне Николаевне у него не было, хотя та была дамой весьма приятной: «Но вот эта приятность состояла из этого Ланжерона, больших волн на берегу и еще того, что каждый день к обеду была превосходная форель с белым вином, после чего мы часто ездили с ней в оперу».

Так что же – любил, не любил? После всего изложенного – судите сами... После многих лет тоски, депрессии Анна Цакни выходит замуж во второй раз, за весьма неординарного человека, который был на 23 года старше ее. Александр Михайлович Дерибас (1856-1937), внучатый племянник адмирала Иосифа де Рибаса, автор знаменитой книги очерков по истории Одессы «Старая Одесса», работавший директором Одесской научной библиотеки. Жили супруги во флигеле во дворе библиотеки, где с дореволюционных

А.М. Дерибас

времен размещалась казенная квартира директора. По понятным причинам, супруги приняли решение навсегда запретить упоминать имя Бунина в своем доме. Анна Николаевна снова живет в интеллектуальной среде. Семья Дерibas поддерживает связи с ученым миром, писателями. «Амстердамская одесситка» Татьяна Фоогд-Стоянова в своих воспоминаниях пишет о «салоне» в доме этой семьи. Но все рухнуло в 1937 году, когда по вымышленному обвинению был арестован и через три месяца расстрелян приемный сын Александра Михайловича – профессор химии Даниил Александрович Дерibas (Яхненко).

Александр Михайлович умер в 80 лет от «разрыва сердца», когда ему принесли из НКВД окровавленные вещи его приемного сына. Проф. А.В. Недзвецкий вспоминал, что постаревшая, но сохранившая обаяние и следы красоты Анна Цакни, дружившая с его матерью, бывала в их семье. Но с годами Анна Николаевна Цакни-Бунина-Дерibas теряла одно за другим все – и родных, и друзей, и любимых, и силы, и даже жилье. Упоминается, что ей оказывали посильную помощь в быту молодая сотрудница библиотеки Ирина Добринская и Александра Семеновна Юрченко, которая якобы однажды по указанию Анны Николаевны сожгла внушительную пачку бунинских писем. Эту невеселую историю изучала большая группа одесских краеведов-журналистов – А. Розенбойм, В. Гридин, В. Нетребский, Г. Зленко, В. Крапива, а неутомимый Н. Брыгин отыскал для основанного им литературного музея кресло-качалку и будильник из жилища Цакни, относящихся к бунинскому периоду.

Анна Николаевна завершила свой земной путь в одиночестве в доме для престарелых в возрасте 84-х лет в 1963 году, пережив на 10 лет первого мужа и на 26 лет второго. А Коленька Бунин, который умер пятилетним, так и остался ее единственным ребенком. Анна Николаевна похоронена на Втором христианском кладбище, далеко от могилы своего мужа Александра Михайловича Дерibasа, с надписью на табличке скромного памятника «памяти Коленьки Бунина», могила которого была уничтожена в 1930-е годы на Первом христианском. Анна Николаевна Цакни не оставила ни строки об И.А. Буinine и по собственной воле сократила число личных бумаг в архиве А.М. Дерibasа.

Памятник на могиле А.Н. Цакни-Дерибас

«Она поражает и красотой, сохраненной в старости, и непреклонностью своего молчания о личном», как пишут современники. Что в нем? Каковы причины этого бессловесья? Кто повинен в разлуке А. Цакни и И. Бунина? И есть ли вообще виновные в этой драме обоих? Л.П. Ишуткина в стихотворении, посвященном А.Н. Цакни, определила основную трудность в своем потребовавшем особого такта исследовании о ней:

Прошла молчаливой тенью
Сквозь время свое и пространство!
Осталось намеков сплетенье
И фактов сухих постоянство...

Еще в 1906 году Иван Бунин, обладая, как все настоящие поэты, даром предвидения, посвятит Анне Цакни свое стихотворение «Чужая».

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.

Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца.
Но лицо ты склонила –
Он не видел лица.

Ты с ним женщиной стала,
Но не девушка ль ты?

Сколько в каждом движенье
Простоты, красоты!

Будут снова измены...
Но один только раз
Так застенчиво светит
Нежность любящих глаз.

Ты и скрыть не умеешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

Для кого же все-таки была «чужой» красавица Анна Цакни? Повторюсь, что никого не берусь судить, но объективности ради укажу, что отношения Ивана Бунина с женщинами были, мягко

говоря, сложными: первые две жены так и не поняли его и не оценили по достоинству его творчества, а третью, которая и поняла, и оценила Бунина, любила его преданно и самоотверженно, буквально боготворила его и была любима им, который не представлял своей жизни без Веры Николаевны, Бунин сам жестоко обидел. Он привел и поселил в их семейном доме во Франции, в Грасе, где они жили в эмиграции, свою любовницу, писательницу Галину Кузнецову, тридцатью годами младше его.

Так и жили втроем до тех пор, пока уже Вера Николаевна не распространила свою

И.А. Бунин, М. Степун, Л.Ф. Зуров
и Г. Кузнецова (сидит)

любовь на преданно влюбленного в нее писателя и литературного секретаря нобелевского лауреата академика Бунина Леонида Федоровича Зурова, которого «полюбила как сына», превозмогла себя и от души полюбила Галину Кузнецову. Однако Кузнецова позднее... поселила в доме Буниных покорившую ее сердце оперную певицу, как писали современники, мужеподобную Маргу Степун.

Чета Буниных оставалась бездетной... Теперь уже «семейный адский треугольник стал пятиугольником» и оставался таким до тех пор, пока Кузнецова и Степун не уехали в США. Многие события этой жизненной коллизии нашли не совсем точное отображение в фильме Алексея Учителя «Дневник его жены». Важным представляется упомянуть, что в течение жизни и в годы второй мировой войны Бунин оказывал серьезную материальную поддержку многим эмигрантам, поклонникам его творчества, многим нуждающимся, прятал от нацистов еврейскую семью пианиста А. Либермана и литератора А. Бахраха. Будучи апатридом – человеком без гражданства, он оставался патриотом, страстно желая победы СССР над гитлеровским фашизмом. Однако на предложение послевоенного советского посла во Франции А. Богомолова вернуться на родину ответил отказом. Средства, в том числе и Нобелевская премия, были довольно быстро растрачены, и в 1953 году он умер весьма небогатым человеком.

Могилу его на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем мне довелось посетить в 2004 году. А в конце

Могилу Бунина на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Автор памятника – Александр Бенуа

40-х – начале 50-х годов мы, студенты медицинского института, весьма поверхностно знакомые с наследием как Ивана Бунина, так и Александра Дерибаса, на углу Херсонской и Софиевского (он же – Библиотечный) переулка (ныне Пастера и пер. Ляпунова) довольно бесцеремонно разглядывали указанную нам покойным ассистентом кафедры патанатомии Ю.А. Пренделем уже далеко не молодую женщину (так и хочется снова написать – со следами былой красоты, но не уверен... – Л. А.), которая умерла в доме престарелых в 1963-м...

